

9 (с) 13
11-12

СМУТА

Московского Государства

И

НИЖНИЙ-НОВГОРОДЪ.

Очеркъ *А. К. Кабахова.*

(ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ).

Допущенъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. въ ученическія библіотеки городскихъ и 2-хъ классныхъ сельскихъ училищъ и признанъ заслуживающимъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ, а равно заслуживающимъ рекомендаціи для раздачи учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ ко дню юбилея Нижегородскаго ополченія и освобожденія Москвы въ 1612 г.

Н.-Новгородъ.

Типографія А. Г. Афан

1911.

НАУЧНО-СПРАВОЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА

№ 47017

Горьковского Областн.
Архивного Управления

9(с)1389(14)

К-12

И-96 ✓ ✓

дута Московскаго Государства и Нижній-Новгородъ.

(Очеркъ А. К. Кабанова).

I

Въ 1147 году на берегахъ Москвы пировали князя. Здѣсь уже стоялъ въ то время городъ Москва, но то былъ ничтожный городокъ посреди глухихъ лѣсовъ, на пути изъ одного княжества Черниговскаго въ Суздаль, князя же къ этому времени стали замѣтно богатѣть и выдѣляться отъ другихъ князей своею силою.

Но вотъ эта Москва, ничтожный незамѣтный городокъ, началъ быстро расти.

Съ 1276 года мы видимъ уже здѣсь постоянныхъ князей, изъ вѣтви Александра Невскаго, значитъ это уже такой городъ, что въ немъ стоитъ княжить, онъ даетъ порядочные доходы своимъ князьямъ, а въ 1328 году князь Иванъ, прозванный за щедрость Калитой, признается великимъ княземъ, значитъ и изъ всѣхъ.

И дѣйствительно московскіе князья съ этого времени первые изъ князей, сначала по богатству, по силѣ, а съ 1380 года, съ побѣдой въ Куликовской битвѣ,—и по уваженію, по любви на-роду.

Это уже не князья московскіе, а обще-русскіе, князья Русіи.

Почему же такъ быстро пошла Москва въ гору, почему же такъ быстро возросла силою своею московскіе князья передъ другими? Что же помогало Москвѣ.

Расположенная между Волгой и Окой, Москва лежала на перекрѣсткѣ многихъ путей: черезъ нее проходилъ богатый новгородскій караванъ своими заморскими товарами по дорогѣ въ Булгарію, торгующий ану по Волгѣ и Камѣ; южная Русь, черниговцы, киевляне проходили черезъ нее по пути въ Суздаль, Владиміръ, Муромъ. шли они оттуда толпами, такъ какъ на югѣ трудно, беззащитно жились отъ набѣговъ дикихъ половцевъ.

Москва богатѣла отъ этихъ торговыхъ путей. А гдѣ богато, туда и народъ идетъ.

Но не только богато жилось въ Москвѣ, но и привольно. Со всѣхъ сторонъ окружена была Москва русскими княжествами, и если врагъ нападалъ на Русь, онъ не скоро доходилъ до Москвы, а татары такъ и совсѣмъ обходили московскую область, такъ какъ князья московскіе одаривали хановъ богатыми дарами.

Ханы такъ полюбили богатыхъ и щедрыхъ московскихъ князей, что позволили имъ собирать дань по всей Руси для нихъ, для татаръ; отъ этого тоже богатѣла казна княжеская, такъ какъ князья собирали больше чѣмъ нужно было и остатокъ оставляли себѣ.

И народъ валомъ валилъ въ Москву—сюда перешли митрополиты всея Руси, а съ этого времени на Москву стали смотрѣть, какъ на священный городъ.

Митрополитъ всегда помогалъ великому князю, а митрополита всякій слушался, всякій ему повиновался.

Соперникъ Калиты, тверской князь Александръ, потерпѣлъ въ своей враждѣ съ Иваномъ полный неуспѣхъ, бѣжалъ въ Псковъ, и псковичи цѣловали ему крестъ. „Умремъ, говорили они, съ тобою на одномъ мѣстѣ“. Но князю Ивану помогъ митрополитъ Феогностъ—онъ грозилъ псковичамъ проклятіемъ и отлученіемъ отъ церкви, и самъ князь Александръ уѣхалъ въ Литву. „Братья мои и друзья мои, говорилъ онъ, прощаясь съ псковичами, не будь на васъ проклятія ради меня, ѣду вонъ изъ вашего города и снимаю съ васъ крестное цѣлованіе“.

Шли въ Москву и бояре со своею дворнею,—въ то время имъ была воля переходить изъ одного княжества въ другое, и, конечно, всѣ они стремились туда перейти, гдѣ жить было и привольнѣе, и богаче.

Въ 1391 г. московскій великій князь Василій пошелъ на Нижній-Новгородъ, считая его уже своимъ городомъ, такъ какъ онъ купилъ у хана ярлыкъ на него, т. е. разрѣшительную на княженіе грамоту. А княжилъ въ то время князь Борисъ Константиновичъ. Напрасно просилъ онъ и бояръ, и дружину свою не выдать его врагамъ. „Господинъ князь,—сказалъ ему одинъ нижегородскій бояринъ, Румянецъ,—не надѣйся на насъ, мы уже теперь не твои и не съ тобой, а на тебя“. И выдали они князя Бориса.

Такъ велика была сила московскаго князя.

Сюда спѣшили и торговцы, такъ какъ Москва была вторымъ послѣ Новгорода торговымъ городомъ, а также и крестьяне; легче жилось имъ здѣсь, податей пришлось платить меньше.

И крѣпла и росла Москва, пока не объединила въ своихъ предѣлахъ всю восточную Россію, но тутъ то и начались ея несчастья.

II.

Раньше московскіе князья дружно жили со своими боярами, душа въ душу, другъ на друга опираясь.

Дмитрій Донской, побѣдитель при Куликовѣ, суровый и требовательный къ своей братіи князьямъ, очень цѣнилъ своихъ бояръ. „Бояръ своихъ любите, наказывалъ онъ дѣтямъ своимъ передъ смертью, честь имъ достойную воздавайте противъ ихъ службы, безъ воли ихъ ничего не дѣлайте“. Онъ называлъ ихъ, своихъ бояръ „князьями земли своей“.

Но черезъ сто лѣтъ при Иванѣ III рѣзко измѣняются отношенія князей къ боярамъ. Уже давно духовенство учило народъ, что князю нужно твердо держать свою власть и передавать ее по наслѣдству дѣтямъ, но эти рѣчи не нравились въ древнихъ городахъ, гдѣ собирались сходки-вѣча, а на нихъ не рѣдко князю указывали „путь чистъ“, т. е. выселяли его съ княженія. Но теперь, когда власть великаго князя усилилась, ему не нравится прежнее, простое, за панибрата отношеніе къ нему бояръ.

А въ это время какъ разъ происходитъ рядъ крупныхъ событій, которыя ставятъ великаго князя гораздо выше, чѣмъ прежде, какъ въ глазахъ народа, такъ и въ своихъ собственныхъ глазахъ.

Москва объединила вокругъ себя всѣ русскія княжества, стала единственнымъ русскимъ княжествомъ, притомъ не зависящимъ ни отъ кого извнѣ, такъ какъ она свергла съ себя татарское иго и освободилась отъ церковной зависимости Византіи, которую взяли мусульмане-турки.

Государей, независящихъ ни отъ какихъ другихъ государей, въ Москвѣ называли царями, самодержцами; и московскіе князья начиная съ Ивана III иногда себя такъ и величаютъ.

Иванъ Грозный, внукъ Ивана III-го, уже именуетъ себя царемъ „Божьей милостью, изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей“. „Самодержавства нашего начало отъ св. Владимира, мы родились и выросли на царствѣ, своимъ обладаемъ, а не чужое похитили“, — пишетъ Грозный. „Жаловати своихъ холопей мы вольны, а казнить ихъ вольны-же“, — а холопи, это тѣ же бояре, которыхъ съ небольшимъ 150 лѣтъ тому назадъ Донской называлъ „князьями земли“. Не даромъ еще дѣдъ и теска Ивана, Иванъ III — рубилъ головы непокорнымъ „многомятежнымъ“ боярамъ своимъ Ряполовскимъ, не даромъ отецъ Ивана Василій грозно окрикаетъ своего боярина Берсеня Беклемишева въ думѣ:

„Пошелъ вонъ, смердъ, ты мнѣ не надобенъ“, а позднѣе, заподозрѣвъ его въ измѣнѣ, приказываетъ вырвать у него языкъ.

Московскіе князья измѣнились, но измѣнились также и бояре. Уже давно многіе владѣтельные, какъ говорили тогда „удѣль-

ные" князья не могли сохранить своей самостоятельности рядомъ съ князьями московскими и переходили къ нимъ на службу вмѣстѣ со своими вотчинами, своими землями.

Но это не были старые московскіе послушные бояре, это были вельможи, гордые своимъ происхожденіемъ, иногда болѣе, знатнымъ, чѣмъ происхожденіе московскихъ князей. Имъ хотѣлось ограничить московскихъ князей думою, совѣтомъ бояръ, и стремленіе вел. князей окружить себя малознатными, но вѣрными себѣ слугами, вызвало въ нихъ неудовольствіе.

Тотъ-же Берсень Беклемишевъ въ своей бесѣдѣ съ ученымъ монахомъ Максимомъ Грекомъ сѣтовалъ, что „здѣсь у насъ старые обычаи князь Василій перемѣнилъ, запершия самъ третій у постели всякія дѣла дѣлаетъ“.

И дѣйствительно противъ знатныхъ княжатъ, какъ звали въ то время потомковъ удѣльныхъ князей, царь Иванъ IV выдвигаетъ не знатныхъ, но рабски ему преданныхъ дворянъ. Съ этой цѣлью царь Иванъ задумалъ опричнину, т. е. особый дворъ, куда входили всѣ, принявшіе присягу въ полномъ рабскомъ повиновеніи царю. Грозный подмѣтилъ, что его предки, принимая на службу владѣтельныхъ князей, оставляли ихъ обычно намѣстниками тамъ же, гдѣ были они прежде князьями. Но народъ плохо понималъ совершившуюся перемѣну. Онъ видѣлъ, что править имъ сынъ тѣхъ князей, которыхъ онъ всегда называлъ господами своими, значить и этотъ князь—настоящій князь, а не московскій намѣстникъ. Въ этомъ была сила княжатъ.

Грозный сталъ брать въ опричнину какъ разъ тѣ, срединные, уѣзды, гдѣ было много вотчинъ этихъ княжатъ; ихъ онъ выселялъ на окраины, гдѣ они берегли границу отъ татаръ, отъ Литвы, а здѣсь вновь селились дворяне—опричниками.

Этотъ „пересмотръ людишекъ“, какъ называлъ самъ Грозный, былъ хорошо задуманъ, но страшно, кроваво выполненъ. Цѣлая семья бояръ, цѣлая тысяча дворни губилъ Грозный такъ ни за что, изъ-за одного подозрѣнія. Цѣлый городъ, богатый и населенный Новгородъ, онъ подвергнулъ кровавой расправѣ, сотнями топилъ жителей въ рѣкѣ. Эти потоки крови затемняли, уничтожали то хорошее, что было въ затѣянномъ Грознымъ.

А это хорошее было. Онъ нанесъ ударъ возвышенію бояръ, ихъ стремленію встать рядомъ съ престоломъ и руководить государствомъ. Послѣ его удара боярство уже не оправилось.

Кромѣ этой борьбы изъ-за власти шла и другая не менѣе упорная, борьба общественныхъ классовъ.

III.

Теперь, въ концѣ XV вѣка московское государство не походило по размѣрамъ на то маленькое княженіе, какимъ была Москва при первомъ своемъ князѣ Даніилѣ—и сосѣди ея были не тѣ.

Это была грозная боевая сила Литва на западѣ, которая къ XV вѣку замѣтно округлилась старорусскими землями по рѣкамъ Днѣпру и Западной Двинѣ; на сѣверѣ стояла сильная держава, заморская Швеція, а югъ московскаго государства,—что лежало за „Берегомъ“, какъ говорили москвичи того времени, т. е. за Окою, терпѣлъ тяжелыя раззоренія отъ набѣговъ крымскихъ татаръ, на востокѣ-же недавно образовавшаяся казанская орда тоже не мало беспокоила Москву.

Эти враги были поопаснѣе своей братіи князей, а главное они были настойчивѣе. Дружина князя, съ которой онъ дѣлилъ и походы, и добычу, уже не годилась; нужно было перейти къ болѣе дѣйствительной силѣ.

Но чтобы имѣть хорошее войско, нужно было ему платить— а платить московскій князь могъ только землей. И вотъ онъ начинаетъ раздавать земли, какъ бы вмѣсто жалованья, но не навсегда, не „въ вотчину“, не съ правомъ передачи дѣтямъ, а только на время, пока человѣкъ могъ служить съ этой земли—могъ вооружиться, приобрѣсти лошадь, выставить съ собою хоть нѣсколько своихъ слугъ, однимъ словомъ, могъ явиться, какъ говорили тогда, „конно, людно и оружно“. За эту землю, которую далеко не обильно давало московское правительство служилому человѣку, онъ долженъ былъ служить тамъ, гдѣ было его, „помѣстье“, это временно переданное ему имѣніе, готовый по первому зову явиться противъ любого врага; онъ, московскій служилый человѣкъ, оставался на своемъ тяжеломъ посту до самой смерти, если случай, тяжелая рана напр., раньше не выводилъ его изъ рядовъ.

Потомки князей, знатные бояре быстро шли по службѣ, а простое уѣздное дворянство, которое и выносило на своихъ плечахъ всю тяжесть войнъ, охраны границъ, наоборотъ рѣдко когда повышалось. Конечно, въ немъ говорила зависть, оно зачастую протестовало, что не по службѣ, не по выслугѣ, а по „отчеству“, по знатности шло повышение. При Грозномъ одинъ простой служилый человѣкъ Ивашко Пересвѣтовъ писалъ государю: „Если какойнибудь воинъ храбро будетъ на смерть биться съ недругомъ и крѣпко за вѣру христіанскую стоять, такимъ воинамъ нужно угождать, возвышая ихъ имена среди другихъ, и прибавлять имъ жалованья изъ казны государевой“.

И московское правительство какъ-будто прислушивалось къ этимъ словамъ—если прежде московскіе князья во всемъ опирались на своихъ бояръ, теперь они разошлись, не довѣряя другъ

другу, а Иванъ IV, съ обычною для себя рѣзкостью, сталъ искать поддержки среди дворянъ, выдвигая ихъ въ своей опричинѣ.

И во дворцѣ шла глухая затаенная борьба: съ одной стороны царь со своими опричниками-дворянами, съ другой—княжье и знатное боярство. Боярство было недовольно тѣмъ, что власть какъ бы ускользаетъ изъ его рукъ, дворянство—своей тяжелой службой, къ которой оно было прикрѣплено на всю жизнь, недовольны были и другія сословія.

Ихъ всѣхъ, въ отличіе отъ дворянъ „служилыхъ людей“ — называли тяглецами, т. к. они „несли тягло“, т. е. платили подати государству.]

Горожане — „посадскіе люди“ были прикрѣплены къ тому занятію, съ котораго они кормились и, главное, платили подати; ремесленники платили за право заниматься ремесломъ, купецъ—за право торговать. Но эти налоги увеличивались всевозможными таможенными пошлинами, „мытами“, что, конечно, заставляло увеличивать цѣну, какъ своего издѣлія, такъ и своего товара. А между тѣмъ зачастую тутъ-же рядомъ торговалъ, занимался ремесломъ какой-нибудь холопъ, т. е. человекъ, не зависящій отъ государства, а только отъ своего господина. Государство на него не обращало вниманія, а между тѣмъ онъ торговалъ безпошлинно, его издѣлія не были обложены налогами, а это давало ему возможность продавать свои издѣлія и товары по болѣе дешевой цѣнѣ. Посадскіе бѣднѣли, раззорялись, негодовали на холоповъ и били на нихъ челомъ государю.

Еще тяжелѣй было положеніе крестьянъ.

Они также „тянули тягло“ т. е. платили государству, какъ тѣ, что сидѣли на „черныхъ“ т. е. государственныхъ земляхъ, такъ и обрабатывающіе земли боярскія и дворянскія; своей земли крестьяне не имѣли.

Конечно, крестьяне, сидѣвшіе на помѣщичьихъ земляхъ, сверхъ того, что тянули государству, не мало передавали своимъ хозяевамъ, какъ трудомъ своимъ, всякими повинностями, („барщина“), такъ и податями, больше натурою, хлѣбомъ, сѣномъ, живностью, чѣмъ деньгами („оброкъ“).

Понемногу крестьяне должны были своимъ хозяевамъ. Какой-нибудь свободный крестьянинъ садился на землю помѣщика: онъ заключалъ съ нимъ „рядъ“, т. е. договоръ, условія этого ряда записывались въ особую „порядную“ грамоту. Но онъ приходилъ съ пустыми руками безъ земледѣльческихъ орудій, безъ сѣмянъ—все для перваго обзаведенія бралъ онъ у помѣщика, обязуясь выплатить ему; пока онъ строился, подымалъ свою землю, зачастую цѣликъ, дожидаясь первыхъ урожаевъ,—помѣщикъ освобождалъ его отъ барщины и оброка, иногда даже отъ государственныхъ податей. Но за эти „льготные года“ крестьянинъ давалъ въ порядной

грамотѣ обязательство прожить на землѣ помѣщика ровно столько же, сколько онѣ пользовался этой льготой.

Только исполнивъ эти всѣ условія, крестьянинѣ могъ уйти съ земли, но сдѣлать это крестьянинѣ или не могъ или не хотѣлъ. Если это былъ обжившійся на мѣстѣ, зажиточный крестьянинѣ, ему было тяжело разстаться съ насиженнымъ мѣстомъ, можетъ быть съ могилами отцовъ и дѣдовъ. Это были лучшіе плательщики и работники, за нихъ держались крѣпко помѣщики, ихъ первыхъ и стали они прикрѣплять къ себѣ, т. е. запрещать имъ отъ себя уходить при какихъ бы то ни было условіяхъ за то, что они „старо живутъ“, что они „старожильцы“.

Такъ появилось тяжелое для крестьянѣ крѣпостное право.

За богачами-старожильцами стачовились крѣпостными запутавшіеся въ долгахъ бѣдняки; они могли уйти отъ помѣщика, но обязательно расплатившись, а объ этомъ они и не мечтали.

Тяжело имъ было въ крѣпостной неволѣ, они помнили о былой крестьянской свободѣ, чувствовали всю тягость работъ и платежей, а освободиться на законномъ основаніи не могли. А помѣщики стали обращаться съ ними, какъ съ холопами, какъ съ невольниками.

IV.

Значитъ всѣмъ было тяжело жить на Руси.

Бояре, правда, владѣли землями, были богаты, за то они жаждали той власти, которой лишили ихъ московскіе государи; дворяне тяготились своей вѣчной службою, плохо оплачиваемою, многіе изъ нихъ обѣднѣли до того, что „бродили межъ дворъ“ т. е. побирались, просили милостыни; купцы и ремесленники изнемогали подъ тяжестью налоговъ и пошлинъ, крестьяне и холопы, безправные, безвольные, глухо роптали подъ игомъ неволи.

А главное, всѣ косились другъ на друга, враждовали другъ съ другомъ: бояре и дворяне за власть, за землю, купцы и ремесленники—за наживу, за трудовую копейку, крестьяне и холопы—за волю, за мало-мальски сносное житье, а кромѣ того всѣ, не исключая и бояръ, за правду въ судахъ и милости государя.

Судъ былъ въ рукахъ областныхъ намѣстниковъ и въ высшихъ учрежденіяхъ въ Москвѣ въ приказахъ. Иностранецъ Флетчеръ, побывавшій въ Россіи въ XVI вѣкѣ, пишетъ о взяточествѣ судей-управителей: „Народъ недовѣрчивъ къ нимъ и ненавидитъ ихъ за то, что, являясь каждый годъ свѣжіе и голодные, они мучаютъ и обируютъ его безъ всякой справедливости и совѣсти“. Недаромъ въ Царскомъ Судебникѣ царя Ивана IV было указано: „если судья посуль (взятку) возьметъ о обвинить кого не по суду, то на судѣ взять царскія пошлины втрое, а въ пенѣ, что государь укажетъ“.

Казалось, всѣ люди, къ какому бы сословію или состоянію они не принадлежали, были прикрѣплены къ тому, чѣмъ они служили государству, при этомъ вѣчно, безысходно, безъ надежды на измѣненіе судьбы.

И всѣ искали выхода—если законнаго выхода не было, рисковали на незаконный, бѣжали туда, гдѣ, казалось, жить будетъ привольнѣй. Въ народѣ давно уже ходили сказки о чудесныхъ странахъ, гдѣ текутъ молочныя рѣки въ кисельныхъ берегахъ, а здѣсь, когда жить стало невыносимо, заговорили прямѣе, яснѣе—на югѣ, на тихомъ Дону, гдѣ разбросились въ привольномъ краѣ казачьи станицы, принимаютъ всѣхъ охотно, нужно только добраться туда.

И дѣйствительно на Дону, среди казачества, накопляется много народу, озлобленнаго, недовольнаго, готоваго каждую минуту къ возстанію.

Но не всѣмъ удавалось убѣжать на Донъ, иные просто собирались по лѣсамъ, разбойничали, ища легкой наживы, ища призрачной свободы. Таково было положеніе дѣлъ на Руси во время смерти Грознаго царя Ивана—повсюду вражда, недовольство озлобленіе, по южной границѣ казаки, въ лѣсахъ внутренней Россіи разбойники.—Русь дремала на пороховой кучѣ, не хватало уголька, чтобы раздуть пламя для взрывовъ, для разрушенія.

Этимъ уголькомъ явилось прекращеніе царской династіи послѣ смерти царя Θεодора и царевича Дмитрія, дѣтей Грознаго Ивана.

V.

Царь Θεодоръ Ивановичъ былъ слабъ, болѣзненъ. При немъ шла во дворцѣ старая борьба за власть, но самъ царь не принималъ въ ней участія, онъ и вообще-то государственными дѣлами не занимался. За него вершилъ дѣла царскій шуринъ (братъ его жены Ирины) Борисъ Годуновъ.

Это былъ очень умный человекъ; онъ сумѣлъ искусными переговорами добиться многого въ отношеніяхъ съ другими государствами. Во внутреннихъ дѣлахъ онъ держался завѣтовъ своего учителя царя Ивана.

Съ боярами онъ круто расправлялся.

Въ самомъ началѣ царствованія онъ удалилъ изъ Москвы, правда съ почестію, царицу Марію (седьмую жену Ивана IV) съ ея сыномъ царевичемъ Дмитриемъ, ея родственниковъ Нагихъ и очень способнаго Богдана Бѣльскаго. Позднѣе, пока еще въ союзѣ съ Романовыми, Борисъ расправляется со знатными фамиліями князей Мстиславскихъ и Шуйскихъ. А гораздо позднѣе, уже будучи царемъ, онъ порвалъ и съ Романовыми.

Какъ видно, съ родовитою знатію Борисъ поступалъ такъ же, какъ и Грозный—онъ уничтожалъ ихъ значеніе.

Также не очень милостивъ былъ Борисъ Годуновъ къ бѣглымъ, къ казакамъ, къ разбойникамъ. А они замѣтно увеличивались въ числѣ.

Въ 1601 году страшный голодъ потрясъ Россію. Борисъ, уже царь въ то время, боролся противъ этого народнаго бѣдствія—онъ раздавалъ хлѣбъ голоднымъ, онъ началъ обширныя постройки, чтобы дать имъ заработокъ.

Толпы холоповъ и крестьянъ бѣжали, главнымъ образомъ, на юго-западную границу въ Сѣверскую Украйну, откуда они, выбравъ себѣ атаманомъ какого-то Хлопка-Косолапа, двинулись на Москву. Съ трудомъ одолѣли ихъ царскія войска.

Да и по другимъ причинамъ Годуновъ не могъ ничего предпринять въ пользу низшихъ слоевъ общества, такъ какъ они были въ зависимости отъ дворянъ, а дворяне нужны были царю, въ нихъ онъ видѣлъ свою силу. Именно въ нихъ, въ мелкопомѣстныхъ дворянахъ, такъ какъ они составляли его войско.

А между тѣмъ эти дворяне бѣднѣли крестьянами, ихъ переманивали къ себѣ богачи бояре, монастыри. Съ тѣхъ поръ, какъ безъ всякаго царскаго указа, а само по себѣ, въ виду задолженности крестьянъ, начало усиливаться крѣпостное право, мало оставалось такихъ крестьянъ, которые могли бы свободно уйти съ земли, расплатясь со своимъ хозяиномъ. Всѣ они стали „крѣпки“ той землѣ, на которой сидѣли, только потому, что не могли порвать со своими долгами. Вотъ въ этихъ-то случаяхъ прикащики бояръ, крупныхъ землевладѣльцевъ, разъѣзжая по окрестнымъ деревнямъ, подговаривали крестьянъ переходить отъ своихъ помѣщиковъ, бѣдныхъ, невліятельныхъ въ приказахъ, гдѣ все дѣлалось за взятки, къ ихъ боярину, сильному и мощной и вліяніемъ въ Москвѣ, обѣщаясь выплатить за нихъ все, что нужно. Крестьянинъ мѣнялъ своего хозяина, а бѣдный дворянинъ отъ этого раззорялся, мало было у него рабочихъ силъ, а бѣдный помѣщикъ—плохой воинъ.

Это понялъ Годуновъ.

Онъ издалъ указъ, по которому подобный „свозъ“ т. е. сманиванье крестьянъ разрѣшался только въ рѣдкихъ случаяхъ—могли свозить только незнатные дворяне и не болѣе двухъ крестьянъ за разъ.

Помогалъ Годуновъ также и посадскимъ людямъ, въ особенности тѣмъ, кто былъ побогаче, кто держалъ въ своихъ рукахъ и торгъ, и промыслъ.

Борисъ опираясь на средніе слои русскаго общества, понимая, что эти слои, дворяне да посадскіе, одни только и поддерживаютъ государственнй порядокъ, одни—своею службою, другіе—своими взносами, въ то время, какъ бояре и чернь, казаки и бѣгле холопы, подрывали этотъ порядокъ, одни, желая взять власть

въ свои руки, другіе, желая стать, послѣ долгой и тяжелой неволи, изъ рабовъ господами.

Понимають это и дворяне съ посадскими. Они выдвигаютъ Бориса, садятъ его на царскій столъ Земскій соборъ, выбравшій Годунова царемъ, насчитывалъ въ своихъ рядахъ не мало областного дворянства. Оно и выбрало Бориса.

Годуновъ былъ дворянскимъ царемъ.

И они, дворяне, громко заговорили при немъ языкомъ Ивашки Пересвѣтова. „Въ чести“, говорили старые бояре, „государь не воленъ“ и били государю челомъ на тѣхъ, кто теперь стремился занять лучшее мѣсто по службѣ, выдвигая свои заслуги. Кн. Лыковъ попрекалъ Юрія Пильемова службой его отца въ городничихъ; а служба эта считалась низкою. Но Пильемовъ отвѣчаетъ ему совершенно по-новому: „бывало, что и изъ большихъ родовъ служили въ городскихъ прикащикахъ, а теперь царской милостью взысканы тѣ роды, многіе изъ нихъ и въ боярахъ; все это дѣлается Божьимъ милосердіемъ да государевымъ призравніемъ, великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ“.

Да, это были вѣрныя слуги царя, но у него были также и заклятые враги—бояре.

Они ясно сознавали, что Борисъ ихъ врагъ, они хотѣли-было сами „выкликнуть“ его въ цари, что сдѣлали они позднѣе съ Василиемъ Шуйскимъ. Но Борисъ не пошелъ на ихъ приманку, а дождался собора.

Тогда бояре стали замышлять противъ царя Бориса измѣну, стали подбивать противъ царя чернь и, наконецъ, выдумали Самозванца.

Царь Борисъ не выдержалъ этого страшнаго союза бояръ съ чернью, во главѣ котораго шелъ необыкновенно отважный и способный человекъ, принявшій на себя имя Димитрія.

VI.

15 мая 1591 года не стало въ Угличѣ сосланнаго царевича Димитрія. Смерть его была загадочна. По предписанію празителя Годунова послали туда для разбора дѣла особыхъ судей и во главѣ ихъ кн. Василія Ивановича Шуйскаго. Въ народѣ ходили слухи, что Димитрія убили, и толпа, можетъ быть, подстрекаемая родственниками убитаго, разорвала нѣкоторыхъ людей, считая ихъ за убійцъ. Прибывшіе судьи строго разсмотрѣли дѣло, нашли, что Нагіе и толпа были не правы, что царевичъ Дмитрій, страдавшій нервными припадками, упалъ на ножъ и случайно закололся. Нагіе и угличане были жестоко наказаны, царица Марья пострижена въ монастырь. Мы не беремся рѣшать, убитъ-ли былъ царевичъ или умеръ отъ несчастнаго случая; но если бы даже мы остановились на первомъ рѣшеніи, въ правѣ-ли мы обвинять въ

этомъ обязательно Бориса Годунова? Едва-ли, для этого нѣтъ достаточныхъ основаній. Этотъ вопросъ темный и спорный, а поэтому мы не будемъ его разбирать болѣе.

Послѣ смерти царевича у царя Ѳедора не было прямыхъ родственниковъ, кому онъ могъ бы передать престоль. Самъ онъ долго былъ бездѣтнымъ. На слѣдующій годъ послѣ печальнаго событія въ Угличѣ родилась у него дочь Ѳеодосія, да и та скоро умерла. Значить съ царемъ Ѳедоромъ угасаль царственный родъ Рюриковичей.

Въ 1598 г. не стало царя Ѳедора. Земскій соборъ избралъ царемъ московскимъ Бориса Годунова, который и раньше всѣми дѣлами правилъ, только титула царскаго не носиль.

А между тѣмъ это событіе, смерть всѣхъ представителей царскаго дома Ивана Калиты, вызвало смущеніе, „смуту“ въ русскихъ людяхъ. Издавна они вѣрили, что надъ царственнымъ домомъ почитеть особая печать Божья, домъ этотъ, казалось имъ, не могъ пресѣчься, благодать Божья не могла изсякнуть для Руси; и въ народѣ стали ходить не то слухи, не то вѣрованья—что царевичъ Дмитрій не умеръ, что его спасли вѣрные люди и далеко умчали отъ людей, что онъ придетъ и займетъ свой прародительскій столъ.

Этими слухами воспользовались бояре, враждовавшіе съ Борисомъ, и передъ его избраніемъ, чтобы лишить его народнаго благоволенія, пустили слухъ, что убить Дмитрія хотѣль Борисъ, но это ему не удалось. И этотъ слухъ упорно держался въ народѣ, народъ вѣрилъ ему, полагая, что лишь „прироженный“, а не выборный царь угодень Богу.

Въ 1603 году въ Польшѣ, на самой границѣ московской Украйны, въ имѣньи кн. Адама Вишневецкаго, появляется какой-то человѣкъ, называющій себя именемъ Димитрія.

Кто былъ этотъ человѣкъ, отвѣтить трудно. Самъ онъ вѣрилъ горячо въ свое царственное происхожденіе; онъ былъ москвичъ—это можно сказать съ полной увѣренностью; въ письмѣ на польскомъ языкѣ, которое онъ послалъ римскому папѣ Клименту VIII, онъ дѣлаеть много ошибокъ, какія могъ сдѣлать только русскій. Вѣроятно, московскіе бояре, недовольные Борисомъ, приготовили его и послали къ Вишневецкому, зная, что послѣднему, какъ пограничному владѣтелю, была на руку смута въ Москвѣ. Въ одномъ изъ писемъ своихъ Вишневецкій пишетъ, что когда ему объявился, какъ царь московскій, какой-то человѣкъ, онъ этому не вполнѣ повѣрилъ. Но изъ-за московской границы прибѣжало къ нему болѣе 20 человѣкъ и всѣ кланялись ему, какъ царю. Вѣроятно все это было подстроено изъ Москвы, очень ловко и умно. Самъ царь Борисъ понималъ замыслы бояръ и прямо обви-

нялъ ихъ въ этомъ. Московское правительство называло Самозванца бѣглымъ монахомъ Григоріемъ Отрепьевымъ, бывшимъ холопомъ.

Вотъ все, что можно сказать о происхожденіи перваго Самозванца.

Въ 1604 году Лжедимитрій вторгся въ московскіе предѣлы съ ничтожнымъ войскомъ, но оно росло всѣми недовольными; онъ обѣщаль всѣмъ въ своихъ „прелестныхъ“ грамотахъ льготы и милости: боярамъ—„честь и повышенье учинить“ и „вотчины прибавить“, дворянамъ—„въ царской милости держать“, посадскимъ людямъ—„учинить ихъ во льготѣ и въ облегченіи“.

Въ 1605 году царь Борисъ внезапно и какъ-то загадочно умираетъ. Хотя передъ этимъ войска Бориса одержали побѣду, юный царь Ѳедоръ Борисовичъ не долго продержался на престолѣ. Подъ Кромами, гдѣ стояли царскія войска, осаждая казаковъ, вспыхнула измѣна; войска и воеводы передались Лжедимитрію; онъ торжественно двинулся къ Москвѣ. Тогда и тамъ взяли верхъ сторонники Самозванца. Ѳедора Борисовича убили.

Лжедимитрій сталъ царемъ: —чернь и бояре, постоянные сторонники раздоровъ, возвели его на престолъ. Какъ-же онъ относился къ нимъ? Новый царь мало думалъ о томъ, чтобы угождать своимъ подданнымъ, своимъ необычнымъ для русскаго человѣка поведеніемъ онъ оттолкнулъ отъ себя простой народъ, чернь московскую; бояре также недолгоблвали новаго царя; вокругъ него встали все новые люди,—старыхъ князей Голициныхъ, да Шуйскихъ онъ не жаловалъ, а главное—онъ велъ себя очень самосто-ятельно, властно, не такъ, какъ долженъ былъ вести себя ставленникъ боярскій. Но больше всего возбудилъ неудовольствіе противъ себя несчастный Лжедимитрій среди духовенства, своимъ неуваженіемъ къ православной вѣрѣ, приближеніемъ къ себѣ поляковъ. И только въ далекой Сѣверской Украинѣ, откуда началъ онъ свое побѣдное шествіе къ Москвѣ, долго говорили еще о народномъ царѣ Димитріѣ Ивановичѣ. Въ Москвѣ же новый царь никому не нравился.

17-го мая 1606 года былъ убитъ этотъ странный пришлецъ на престолѣ московскихъ царей. Во главѣ заговора боярскаго стоялъ кн. Вас. Шуйскій, но вмѣстѣ съ боярами шла и падкая до волненій московская толпа.

Въ краткое царствованіе Самозванца мало чѣмъ измѣнилось положеніе дѣлъ на Руси,—только бояре поняли, что Руси нуженъ боярскій царь, да на югѣ, въ Сѣверщинѣ, выросла новая грозная сила—казаки.

VII.

Послѣ этого кроваваго дѣла тѣ князья и бояре—Воротынскій, Куракинъ, Голицыны,—которые, какъ самые родовитые, считали себя въ правѣ распоряжаться царствомъ, выбрали изъ своего состава настоящаго „боярскаго“ царя, который позднѣе и былъ „выкрикнутъ“ московской толпой на Лобномъ мѣстѣ.

И новый царь въ своемъ манифестѣ, подкрѣпленномъ его крестоцѣлованіемъ, говорилъ о возвращеніи къ старымъ временамъ до опричнины, когда во всемъ жилось на Руси хорошо, обѣщая вернуть это время.

Но самъ царь былъ очень не симпатиченъ, двоедушенъ; историкъ (Соловьевъ) такъ намъ рисуетъ его: это былъ „маленькій старикъ лѣтъ за 50 слишкомъ, очень некрасивый, съ подслѣповатыми глазами, начитанный, очень умный и очень скупой, любилъ онъ только тѣхъ, которые шептали ему въ уши доносы, и сильно вѣрилъ чародѣйству“.

Свое царствованіе онъ началъ неудачно, разъяснительными грамотами о самозванцѣ; это, говорилось тамъ—Гришка Отрепьевъ, и инокиня Марѳа, мать покойнаго царевича, да и самъ онъ Гришка, такъ говорили. Не вѣрили въ народѣ этимъ заявленіямъ, такъ какъ не разъ уже выступалъ Василій Шуйскій и все говорилъ объ этомъ разное: на судѣ въ Угличѣ говорилъ одно, самъ закололся царевичъ, при Лжедмитріи призналъ его какъ истиннаго царя, а теперь новое пишетъ,—такому человѣку вѣрить нельзя.

И лишь сѣлъ царь Василій на царскій московскій столъ, замутилось опять на далекой сѣверской окраинѣ. Здѣсь всѣ стояли за старый порядокъ, бывший при Самозванцѣ, такъ какъ не ждали пощады отъ новаго царя.

Какою-то особою жестокостью отличается это возстаніе! Не даромъ, начиная съ Бориса Годунова, эта несчастная Украина нѣсколько разъ была жестоко усмиряема. Эта озлобленная Украина поголовно вся возставала противъ боярскихъ порядковъ, билась до смерти, неждала пощады, и въ случаѣ неудачи многіе казаки, не ожидая того, какъ ихъ будутъ, по свидѣтельству современника-иностранца, „сажать въ воду“—т. е. топить толпами, сами взрывали себя на воздухъ.

Смута принимаетъ особый характеръ—борются не за власть около царя, даже не за самого царя, а за измѣненіе всего порядка.

Крѣпостные, бѣглые холопы, вся обездоленная голытьба, недовольная своимъ положеніемъ, возстали противъ боярства и богатей.

Во главѣ этихъ недовольныхъ всталъ одинъ изъ бѣглыхъ холоповъ, необычайно смѣлый человѣкъ, всюду побывавшій, даже за границей,—Иванъ Болотниковъ.

„Собралися, говоритъ лѣтопись, боярскіе люди и крестьяне, къ нимъ пристали украинскіе посадскіе люди и стрѣльцы, и казаки“. Вотъ изъ кого состояли его войска.

Болотниковъ разсылалъ особыя грамоты, „воровскіе листы“, какъ называетъ ихъ патріархъ Гермогенъ, гдѣ „велѣлъ боярскимъ холопамъ побивать своихъ бояръ, сулилъ имъ вотчины и помѣстья; безымяннымъ ворами велѣлъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивать и богатство ихъ грабить; звалъ ихъ къ себѣ, обѣщалъ имъ боярства, воеводства и дьячества“.

При первыхъ же успѣхахъ Болотникова надъ царскими войсками, войска его сильно увеличились.

Къ нему пришелъ съ юго-востока лже-Петръ, казацкій самозванецъ. Еще въ 1605 или въ 1606 году на далекомъ Терекѣ среди забытыхъ правительствомъ казаковъ, голодныхъ, озлобленныхъ велись крамольныя рѣчи: „государь насъ хотѣлъ пожаловать, да лихи бояре; переводятъ жалованье бояре, да и не дадутъ жалованья“. И вмѣсто обычныхъ грабежей въ Туречинѣ или у персовъ, они задумали „идти на Волгу громить суда торговья“; съ этой цѣлью, чтобы имѣть къ тому предлогъ, они назвали одного изъ своей шайки, молодого казака Илью Коровина изъ Мурома, именемъ небывалаго сына покойнаго царя Ѳедора Іоановича—Петра.

И эта нелѣпая затѣя имѣла, однако, большой успѣхъ. Народъ искалъ повсюду законнаго „прироженнаго“ царя и легко поэтому попадалъ на удочку всевозможныхъ самозванцевъ. Первымъ изъ нихъ былъ этотъ лже-Петръ. Подъ покровомъ такихъ самозванцевъ, будто-бы затѣмъ, чтобы посадить ихъ на царскій столъ, казаки стали наводнять русскія области, сначала южныя и восточныя, принося съ собою повсюду безчинства, пожары и разоренье.

Къ Болотникову также присоединились скоро и дворяне приокскіе, изъ Калуги, Тулы, Рязани и изъ другихъ городовъ, среди ихъ начальниковъ былъ знаменитый впоследствии Прокопій Ляпуновъ. Противъ боярскаго царя Василія эти дворяне подымались частью оттого, что они раззорялись подъ гнетомъ боярскаго насилия, бѣднѣли, порою шли даже въ холопы, частью же потому, что тѣмъ, кто былъ по богаче, теперь при новомъ правительствѣ была закрыта дорога къ повышенію.

Разныя причины соединили этихъ людей въ одно войско; это соединеніе было не прочно, случайно, соединились скорѣе враги, чѣмъ друзья, только потому, что у всѣхъ былъ общій врагъ бояре.

Не странно поэтому, что Ляпуновъ съ дворянами скоро отсталъ отъ своихъ случайныхъ соратниковъ и перешелъ къ царю Василію. Царь сталъ братъ верхъ. Болотниковъ, Шаховской, ко-

торый собственно и поднялъ все возстаніе, и лже-Петръ заперлись въ Тулѣ, но вскорѣ должны были сдаться царю Василю, который не преминулъ, конечно, жестоко усмирить возстаніе.

VIII.

Царь Василій понялъ, что всѣ эти толпы недовольныхъ такъ охотно идутъ за самозванцами, не потому, чтобы они вѣрили въ то, что это настоящіе цари или царевичи, а только потому, что они были недовольны всѣмъ, что дѣлалось въ Москвѣ, потому, что накопилось у нихъ противъ бояръ и крѣпостныхъ владѣльцевъ много гнѣва и мести.

И вотъ онъ съ своею боярскою думою издаетъ указы о холопахъ и крестьянахъ, гдѣ запрещаетъ крестьянскій выходъ, приемъ бѣглыхъ, словомъ, старается укрѣпить за дворянами всѣхъ бѣглецовъ, столь склонныхъ на смуту. Такъ думалъ онъ избѣжать новой опасности.

А она уже надвигалась. Когда царь Василій въ 1607 году осаждалъ Тулу, въ Стародубѣ-Сѣверскомъ нашелся человекъ, который принялъ имя Димитрія.

Самъ народъ ясно сознавалъ разницу между этимъ вторымъ Лжедмитріемъ и тѣмъ первымъ, вышедшимъ изъ Польши. Тотъ, Растрига, какъ звали его, шелъ самъ добывать отцовскій престолъ и вѣрою въ свое право царствовать одушевлялъ и другихъ, этотъ—одинъ изъ обычныхъ казацкихъ самозванцевъ, вродѣ лже-Петра, онъ служилъ простой игрушкой въ рукахъ казаковъ, поляковъ и всякаго сброда „воровъ“, которые собрались вокругъ него. Вотъ почему людская молва, не отличая его отъ другихъ казацкихъ-самозванцевъ, окрестила его позорнымъ прозвищемъ „Вора“.

За Воромъ шло не мало польскихъ отрядовъ, среди начальниковъ ихъ уже находились Лисовскій и Янъ Сапѣга, такъ много причинившіе горя русской землѣ. Это не были польскія регулярныя войска, скорѣе это были случайныя шайки; они вносили на Русь, кромѣ раззоренія и пожаровъ, чѣмъ прославились уже казаки, еще неуваженіе къ святынямъ русскимъ, чуждымъ имъ.

Конечно такое отношеніе къ русскимъ церквамъ и духовенству, поруганіе святынь русскихъ, вызывало у русскихъ отпоръ, сопротивленіе, и смута получаетъ съ этого времени новый смыслъ, новое пониманіе—борьбы за вѣру.

Вмѣстѣ съ поляками къ Вору пришли и казаки, запорожцы и донцы, послѣдніе съ Заруцкимъ во главѣ.

И эти войска послѣ цѣлаго ряда сраженій, то удачныхъ, то неудачныхъ для себя, подошли къ самой Москвѣ и засѣли въ неприступномъ лагерѣ подъ Тушиномъ, отсюда и Воръ получилъ свое прозвище „Тушинскаго“.

IX.

Тяжело стало на Руси. Смутились русскіе люди. Какъ быть— гдѣ царь на Руси? гдѣ правда на Руси?

И многіе стали плохо думать—нужно искать, гдѣ жить легче, вольготнѣе. Осажденная Москва плохо держалась своего царя Василия. Появились „переметы“,—изъ Москвы въ Тушино, а изъ Тушина въ Москву ѣздили они „переметывались“, ища всюду только выгодъ, помѣстій да вотчинъ, не крѣпко стояли они за порядокъ.

Тушинскіе воеводы поѣхали на сѣверъ, перенося сюда смуту съ ея печальными послѣдствіями, раззореніями, пожарами, поруганіемъ церквей.

Отъ Нижняго-Новгорода на востокъ, до Великаго Новгорода на сѣверъ—все волновалось, повсюду шли отдѣльныя стычки, повсюду рыскали отряды тушинцевъ

Въ это время обѣ стороны рѣшились на важный шагъ—царь Шуйскій, обезсиленный, не надѣясь на помощь своихъ подданныхъ, рѣшился использовать послѣднее средство,—призвать на помощь иноземцевъ, а тушинскіе воеводы, Лисовскій и Сапѣга, осадили Троице-Сергіевъ монастырь.

Долго простояли здѣсь многочисленныя польскіе отряды, но безцѣльно; троицкіе сидѣльцы храбро отбивались до того времени, какъ съ сѣвера подошелъ съ вспомогательными отрядами шведовъ племянникъ царя Василия, князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій. Лисовскій вынужденъ былъ снять осаду монастыря. Святыня русская не была поругана.

На рискованный шагъ рѣшился царь Василій, призывая на помощь шведовъ; правда, онъ очистилъ сѣверъ Россіи отъ тушинскихъ отрядовъ только благодаря этой помощи, но это же вызвало открытую войну съ Польшей, съ которой еще недавно было заключено перемиріе. Польскій король Сигизмундъ былъ заклятымъ врагомъ Швеціи; онъ не могъ простить царю Василю его союза со Швеціей и объявилъ ему войну, которую и началъ съ осады Смоленска, а лучшаго своего полководца гетмана Жолкевскаго послалъ по дорогѣ къ Москвѣ.

Москва не могла выслать достойнаго соперника на встрѣчу Жолкевскому. Кн. Скопинъ внезапно умеръ въ Москвѣ, говорятъ, отравленный на пиру, послѣ своихъ побѣдъ на сѣверѣ. Подъ Клушинымъ столкнулись поляки съ войсками русскихъ и шведовъ—шведы измѣнили, а русскіе были разбиты. Жолкевскій быстро подошелъ къ Москвѣ, разбилъ вора и, по предложенію бояръ, вступилъ въ Москву.

Въ Москвѣ уже не было въ то время царя. Незадачливый царь Василій въ іюль 1610 года былъ смѣщенъ съ престола и насильно постриженъ въ монахи.

А уже въ концѣ этого года не стало и его безпокойнаго соперника, Тушинскаго царька, игрушки въ рукахъ польскихъ и русскихъ смутьяновъ. Его убили въ Калугѣ.

Х.

Всѣ устали отъ постоянныхъ безпорядковъ, всѣ у кого было состояніе, кто жилъ хоть въ нѣкоторомъ довольствѣ, всѣ стали стремиться къ тому, чтобы хоть немного полегче стало жить, стали стремиться къ порядку. Но всякій стремился по своему.

Многіе изъ дворянъ и изъ бояръ рѣшили, что легче всего получить избавленіе отъ своего несчастья, отъ своихъ же враговъ, поляковъ, стоитъ только назвать своимъ царемъ польскаго королевича Владислава.

Когда король Сигизмундъ подступилъ къ Смоленску, онъ потребовалъ къ себѣ всѣхъ поляковъ, которые были у Вора въ Тушинѣ; разбѣжались и русскіе, казаки, бѣглецы, кто за Воромъ въ Калугу, кто куда!... Осталась небольшая кучка русскихъ, которые думали въ Тушинѣ найти порядокъ, они первые обратились къ Сигизмунду. 4 февраля 1610 г. они заключили съ королемъ очень интересный договоръ, показавъ имъ, что хотя они и о себѣ думаютъ, но не забываютъ и государства, и общей пользы.

Здѣсь не было князей, знатныхъ бояръ, это были выслужившіеся при дворѣ Бориса и обоихъ Самозванцевъ незнатные дворяне, дьяки. И вотъ, выдвигая первымъ необходимымъ условіемъ переходъ будущаго царя въ православіе, они не забывая и себя, просятъ „великихъ людей безъ вины не понижать, а меньшихъ, не знатныхъ повышать по заслугамъ“; они вводятъ новость для нашей Руси—просятъ разрѣшить имъ ѣздить за границу черезъ Литву и Польшу.

Ясно, это—не боярская партія, но въ то же время—это не казаки, не отбросы общества, они стоятъ за крѣпостное право, они говорятъ, что вопросъ о казачествѣ, вольномъ и легкомъ на наживу, нужно разрѣшить въ думѣ и пр. Это люди порядка, правда, по своему, можетъ быть, невѣрно, но искренно стремившіеся къ этому порядку.

А когда это соглашеніе съ Владиславомъ уже въ августѣ (17-го) подтверждали и бояре на Москвѣ, они рѣзко измѣнили февральскій договоръ тушинцевъ. Они вычеркнули статьи о выслугѣ, о проѣздѣ за границу, за то вставили новую статью, гдѣ указываютъ королевичу, будущему царю, чтобы онъ модифицировалъ княжескихъ и боярскихъ родовъ не тѣснилъ въ нести и отечествѣ и не понижалъ передъ пріѣзжими иностранцами.

№ _____

Горьковского Областн.
Архивного Управления

Очевидно, старыя партіи—знатные, князья и бояре, съ одной стороны, дворяне, выслужившіеся при послѣднихъ государяхъ, и дьяки—съ другой,—объединились здѣсь въ надеждѣ, что при новомъ царѣ изъ чужестранцевъ наступитъ старый порядокъ.

Но у поляковъ и ихъ ставленника Владислава были и враги.

И прежде всего патріархъ Гермогенъ.

Строгій, прямой въ обращеніи, искусный въ проповѣдяхъ, патріархъ прежде всего стоялъ за вѣру православную, а своимъ крупнымъ умомъ онъ понималъ, что врагами православія являются, какъ поляки, чужевѣрцы, такъ и казаки, разнузданные, своевольные, часто пьяные. И, дѣйствительно, не мало есть свидѣтельствъ о томъ, какъ поступали казаки со святынями, съ духовенствомъ. Этому дивились даже и поляки, до того доходили въ своемъ пьяномъ разгулѣ и иступленіи казаки. И понятно, что, въ своихъ проповѣдяхъ онъ одинаково считалъ врагами и поляковъ, и казаковъ.

Но въ это же время раздавались и другія рѣчи, и другія проповѣди. Въ Троице-Сергіевомъ монастырѣ, который давно уже славился умѣлыми писателями и проповѣдниками, власти—архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ—проводили другую мысль.

Казаки—православные, говорили они, имъ нужно объединиться вмѣстѣ съ дворянско-посадскими ополченіями и отразить общаго врага—поляковъ.

И нѣкоторое время проповѣди троицкихъ властей, рассылаемые грамотами, имѣли большой успѣхъ.

Еще раньше, даже съ 1608 г., на сѣверѣ Россіи, около Вологды и Великаго Устюга начинается, помимо правительственныхъ распоряженій, народное „земское“ движеніе, именно „земское“, такъ какъ здѣсь поднялись всѣ тѣ, кому дорога была своя земля, они встали противъ ея раззорителей, тушинцевъ.

Здѣсь на сѣверѣ не знали крѣпостного права, здѣсь почти не было служилыхъ людей, а значитъ не было и раздраженія среди сословій. Города дѣйствовали согласно, довѣряя другъ другу, какъ дѣйствовали они и раньше въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ.

Теперь же, когда въ Москвѣ царя не стало, не стало и Тушина, когда въ Москвѣ засѣлъ Жолкевскій—опять заговорили по городамъ объ ополченіяхъ русскихъ противъ врага.

И пора было.

Въ Москвѣ всѣмъ руководили поляки. Лучшихъ людей изъ Москвы отправилъ Жолкевскій къ королю подъ Смоленскъ посольствомъ—здѣсь были и митрополитъ Филаретъ и кн. Вас. Го-

лицынъ; въ Москвѣ же правили по приказамъ изъ малознатныхъ дворянъ, присланные еще Сигизмундомъ.

Видя это и поднялось ополченіе, прежде всего изъ Рязани съ Прокопіемъ Ляпуновымъ во главѣ.

Шли рязанцы, нижегородцы, ярославцы, шли по призывамъ Гермогена, но уже подъ Москвой къ нимъ стали примыкать остатки тушинскихъ шаекъ.

Ляпуновъ не могъ не сойтись съ тушинцами, они стояли сзади его, въ Калугѣ и Тулѣ, и оставлять у себя въ тылу враговъ ему было опасно.

Въ 1611 году ополченіе было подъ Москвой и 30 іюля былъ заключенъ приговоръ войска, которое рассматривало себя какъ бы всею русскою землею. Было выбрано три полководца: Ляпуновъ, тушинскій бояринъ кн. Трубецкой и атаманъ Ивашко Заруцкій, они и должны были править всею землею. Въ этомъ приговорѣ указано было также, какъ нужно награждать бояръ и дворянъ—землей, а казаковъ—издавна служащихъ, жалованьемъ; бѣглыхъ же людей возвращали къ ихъ владѣльцамъ.

Это ополченіе было грозной силой, но плохо сколоченной; встрѣтились опять какъ и при Болотниковѣ—казаки, бѣглые крѣпостные съ дворянами землевладѣльцами. Ляпуновъ еще разъ повторилъ эту ошибку, онъ думалъ воспользоваться силой казаковъ, подчинить ихъ порядку, укротить ихъ безчинство, но это ему не удалось.

Казаки возмутились, и Ляпуновъ былъ зарубленъ казацкими саблями.

Ясно было, что казаки-враги земцевъ, они не цѣнили земли, не тянули къ ней. И вотъ, послѣ убійства Ляпунова, все войско дворянское поняло это и разошлось изъ подъ Москвы. Подъ Москвой остался только казацкій станъ.

Казалось, еще разъ дѣло русскихъ было проиграно, побѣдили поляки, такъ какъ русскіе сами не могутъ справиться съ беспорядками внутри государства, встаютъ другъ противъ друга и тѣмъ ослабляютъ свои силы.

Но въ это время, въ концѣ 1611 года начали собирать новое ополченіе. На этотъ разъ прежде всего заговорили о немъ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

XI

До смутнаго времени Нижній-Новгородъ имѣлъ свою долгую и славную исторію.

Въ XII и началѣ XIII вѣка русское племя медленно, но настойчиво подвигалось на востокъ, въ страну финскаго племени

мордвы, ища свободныхъ земель. И вотъ, когда всѣ земли окско-волжскаго междурѣчья были въ рукахъ русскихъ, они строятъ здѣсь, какъ разъ на самомъ концѣ этого междурѣчья, Нижній-Новгородъ (1221 г.), чтобы задерживать здѣсь мордву и болгаръ, жившихъ на Камѣ.

Но русскіе не останавливаютъ своего движенія на юго-востокъ, они продолжаютъ его до тѣхъ поръ, пока татарскія орды не задерживаютъ ихъ. Татарскія орды были куда страшнѣе, они сумѣли вооружить противъ русскихъ мордву. Въ концѣ XIV столѣтія онѣ страшно опустошали нижегородскій край, но и русскіе князья отвѣчали имъ тѣмъ-же, они, „творили землю мордовскую пусту“, т. е. разграбляли ее, — плѣнниковъ казнили въ Нижнемъ, травили ихъ собаками на льду. И русскіе, и казанцы съ мордвою озлоблялись.

Въ концѣ XIV вѣка заложили кремль въ Нижнемъ-Новгородѣ, но татары продолжали свои набѣги; по прежнему Нижній-Новгородъ задерживалъ ихъ, принимая на себя всѣ удары.

Тяжело было кругомъ, безпокойно, а между тѣмъ населеніе все шло къ востоку. Но въ половинѣ XVI вѣка не стало казанскаго царства, границы русскія оставили Нижній далеко назадъ. Только здѣсь, дома, осталась мордва, плохо замиренная, все еще озлобленная.

И когда въ смутное время на Руси все всколыхнулось, все озлобленіе выплыло наружу, поднялась и мордва. На „прелестные“ листы Болотникова откликнулись Арзамасъ, Алатырь съ уѣздами — въ городахъ измѣняли русскіе гарнизоны, цѣлуя крестъ еще не появившемуся Димитрію, въ уѣздахъ волновалась мордва, надѣясь въ общую смуту вернуть себѣ отобранныя раньше земли, отомстить за старые годы.

Порядочные толпы, какъ русскихъ людей „боярскихъ холоповъ и крестьянъ“ подъ начальствомъ нижегородскаго сына боярскаго Ив. Бор. Доможирова, такъ и мордвы съ ея выборными старѣйшинами Варгадинъ и Московъ — подступили къ Нижнему-Новгороду. Но изъ Москвы подошла царская рать Гр. Пушкина и привела къ повиновенію царю Василию возставшіе уѣзды.

Здѣсь взяла верхъ партія Шуйскихъ, которая имѣла въ Нижнемъ-Новгородѣ, богатомъ и торговомъ городѣ, не мало сторонниковъ.

А нѣсколько позднѣе, когда тушинцы стали проникать на сѣверъ и сѣверо-востокъ, для клязменскаго края начинаетъ играть особую роль восточный отъ него Нижній-Новгородъ.

Здѣсь на Клязьмѣ лежали вотчины рода Шуйскихъ; они крѣпко держались противъ тушинцевъ, и послѣднимъ не малаго труда стоитъ ихъ покорить. А Нижній-Новгородъ служилъ этимъ

возставшимъ „мужикамъ“ какъ бы оплотомъ, сюда въ сильную его крѣпость они присылали схваченныхъ „воровъ“.

Нижній-Новгородъ твердо держится царя Василія, или, лучше сказать, того царя, который признанъ на Москвѣ.

Игумень Іоиль изъ Нижняго пишетъ игумену Тихоновой пустыни Іонѣ, прося его убѣждать балахонцевъ не цѣловать креста Вору. „Чтобы христіанская невинная кровь не лилась, а были бы балахонцы и всякіе люди попрежнему, въ одной мысли съ нижегородцами и прислали бы на договоръ лучшихъ людей, сколько человекъ пригоже, а изъ Нижняго мы къ вамъ пришлемъ также лучшихъ людей; говорить бы вамъ съ ними о томъ, кто будетъ на московскомъ государствѣ государь,—тотъ всѣмъ намъ и вамъ государь“. „Да сослались-бы, пишетъ онъ далѣе, съ ними о добромъ дѣлѣ, а не о крестномъ цѣлованіи“.

Игумень Іоиль хорошо понималъ, что вопросъ о томъ, кому на Руси крестъ цѣловать, главнымъ образомъ и мутитъ народъ, поэтому онъ и совѣтуетъ оставить его до времени въ сторонѣ.

Такъ и другіе говорили: „пожалуйста помыслите съ міромъ крѣпко, а не спѣшите крестъ цѣловать“—убѣждали устюжане вычегодцевъ.

Когда же весь этотъ край, а вмѣстѣ съ тѣмъ и Балахну захватили тушинцы, они подсылали къ Нижнему съ совѣтами цѣловать Вору крестъ, застрачивая, что идутъ сюда большія рати литовскихъ и русскихъ людей.

Но и Нижній получилъ въ это время подмогу съ низу отъ царскаго воеводы Ѳед. Шереметева, который шелъ на выручку Москвѣ изъ Астрахани.

Когда въ Нижній вошелъ уже передовой отрядъ боярина Шереметева, начали подходить и враги изъ Балахны, изъ Мурома, воставшіе инородцы, мордва, черемисы.

2-го декабря 1608 года порѣшили нижегородцы всѣмъ городомъ итти на враговъ. Воеводой боевымъ они приговорили Андрея Алябьева.

Три раза сталкивался Алябьевъ съ врагами—сначала онъ разбилъ воровъ на балахонской дорогѣ и взялъ Балахну, потомъ, повернулъ къ Мурому, онъ разбилъ здѣсь другія шайки воровъ, взялъ Павлово, Ворсму, а 7-го января уже 1609 года онъ далъ рѣшительный бой подошедшему съ главными отрядами тушинскому воеводѣ кн. Сем. Вяземскому и здѣсь еще разъ разбилъ воровъ. Круто поступилъ онъ съ тѣми, которыхъ взял въ плѣнъ, вожаковъ всѣхъ повѣсилъ, а въ ихъ числѣ и воеводу Вяземскаго.

Весь край отпалъ послѣ этихъ побѣдъ отъ тушинцевъ.

Но нижегородцы съ Алябьевымъ не оставили общаго дѣла.

Правда, прямо итти къ Владиміру они не могли; по дорогѣ нужно было раздѣлаться съ Муромомъ, который былъ въ рукахъ Вора. Во второй половинѣ марта Алябьевъ взялъ Муромъ и часть своей рати отрядилъ къ Владиміру, сдался и Владиміръ.

Къ лѣту въ клязменскій край приходитъ со своею ратью и Шереметевъ, позднѣе въ Александровской слободѣ онъ соединился съ сѣверными отрядами кн. Скопина.

По прежнему Нижній-Новгородъ крѣпко стоитъ за царя, видя въ немъ порядокъ, соединяетъ около себя, около своей крѣпости, всѣхъ, кто боролся противъ тушинцевъ.

Когда же не стало царя, Москву захватили поляки и оттуда раздалось гнѣвное слово патріарха,—Нижній-Новгородъ опять поднялся въ числѣ другихъ городовъ.

Патріархъ особо охотно писалъ въ Нижній, на который крѣпко рассчитывалъ; грамоты его отъ 8 и 9 января 1611 года удалось провезти въ Нижній, но списки съ нихъ попали полякамъ. Патріарху стали чинить они всякія насилія: дьяки его и подъячіе были пойманы, весь дворъ его былъ разграбленъ. А позднѣе еще тяжелѣй стало ему—„какъ птица въ клѣткѣ“ томился онъ въ заточеньи у поляковъ.

А въ это время начиналось движеніе и противъ поляковъ, и противъ Владислава.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ это движеніе началось совершенно самостоятельно. Какъ прежде спокойный, не склонный къ волненіямъ, Нижній всегда прямилъ царю, такъ теперь прямить онъ патріарху.

Еще съ декабря 1610 года нижегородцы, начиная отъ архимандритовъ и воеводъ и до казаковъ и служилыхъ иноземцевъ вступаютъ въ тѣсныя сношенія съ патріархомъ. 12 января 1611 г. пришли изъ Москвы отъ патріарха въ Нижній сынъ боярскій Романъ Пахомовъ и посадскій человѣкъ изъ Свіяжска Родіонъ Мосѣевъ. Они посланы были туда, къ патріарху „съ отписками и для подлинныхъ вѣстей“. Но патріархъ былъ въ то время уже стѣсненъ поляками и не могъ письмомъ отвѣтить въ любезный ему Нижній, онъ далъ приказанье нижегородцамъ черезъ ихъ посланцевъ „рѣчью“ т. е. на словахъ—итти на Москву.

И вотъ въ Нижнемъ начинается горячая работа подготовки ополченія. Цѣлуютъ крестъ вмѣстѣ съ балахонцами стоятъ „за одинъ“ за московское государство, посылаютъ крестоцѣловальную запись къ Ляпунову въ Рязань, откуда пріѣзжаютъ „для договора и добраго совѣта“ стряпчій Иванъ Биркинъ и дьякъ Пустошкинъ, посылаютъ грамоты съ призывомъ къ ополченію въ Вологду, Кострому, Ярославль, Муромъ, Владиміръ, а отсюда уже грамоты

проникаютъ еще дальше, ополченія растутъ, устраиваются, выступаютъ въ тѣ пункты, откуда рѣшено уже двинуться дальше, къ Москвѣ.

Однимъ изъ такихъ пунктовъ былъ Владиміръ. Сюда двинулись нижегородцы—первые отряды ихъ ополченія вышли 8 февраля, меньше мѣсяца понадобилось имъ, чтобы собрать, снарядить и отослать эти отряды.

17 февраля двинулась и вся нижегородская рать, по дорогѣ она сошлась съ муромцами, 1-го марта они уже во Владиміръ, а 10-го вышли оттуда уже подъ начальствомъ А. Репнина.

Мы знаемъ, какъ печально кончилось это первое, ляпуновское, ополченіе. Послѣ смерти своего вождя, дворянскія ополченія разошлись по домамъ, ушли и нижегородцы.

XII.

Тяжелое время пережило московское государство въ лѣто 1611 года. Не даромъ современники звали его „лихолѣтьемъ“.

Съ запада шель гетманъ Ходкевичъ на помощь засѣвшимъ въ московскомъ кремлѣ полякамъ. Подъ Москвой разгульные казачьи таборы, на сѣверѣ шведы, къ которымъ уже отошла почти вся новгородская земля. То тамъ, то здѣсь появлялись новые самозванцы, неся въ народъ новые раздоры, новое горе.

А отъ этого горя негдѣ было укрыться!

Когда человѣку тяжело, на серцѣ залегла печаль, скорбь, вѣрующій человѣкъ прибѣгаетъ къ молитвѣ. И русскій глубоко вѣрующій народъ, не видя нигдѣ земной помощи, искалъ ее въ небесномъ, въ глубокой молитвѣ искалъ исхода своей печали.

На Руси начались видѣнія, показывающія, какъ глубоко было религіозное чувство народа. Народъ ждалъ чего-то, подготовлялся по обычаю своему тяжелымъ постомъ.

Этотъ постъ наложили на себя добровольно русскіе люди по видѣнію какого-то Григорія изъ Нижняго-Новгорода. Постъ этотъ былъ необыкновенно тяжелъ:—постановили поститься три дня въ недѣлю, не ѣсть, ни пить, а два дня ѣсть сухо, т. е. не ѣсть горячаго; постились всѣ—младенцы, скотина безсловесная. Такъ сильно выражалось это исканіе спасенія отъ зла, отъ горя.

Но не забывали все же и того, что для общаго дѣла нужно постоять головами своими, и города продолжали пересылаться грамотами, укрѣплялись крестнымъ цѣлованіемъ, призывали другъ друга на борьбу какъ съ поляками, такъ и съ казаками.

Не молчалъ и Гермогенъ изъ своего заточенія, ходили по рукамъ и краснорѣчивыя грамоты троицкихъ властей, которыя все еще держались стараго—стоять вмѣстѣ съ казаками противъ невѣрныхъ поляковъ.

Въ это время произошло одно событіе, которое имѣло большое значеніе въ дальнѣйшемъ. Въ казацкихъ таборахъ всѣмъ верховодилъ Ивашко Заруцкій, съ нимъ была Марина, несчастная жена обоихъ Лжедмитріевъ. Кругомъ говорили, что Заруцкій хочетъ добиваться московскаго государства для малолѣтняго сына Марины „воренка“. Повѣрилъ этому Гермогенъ, повѣрилъ и воспылалъ гнѣвомъ.

На спѣхъ пишетъ онъ грамоту въ дорогой его сердцу Нижній, но какъ доставить ее?—Кремль въ осадѣ, а поляки зорко слѣдятъ за патріархомъ. Но патріарху посчастливилось.

5-го августа къ Москвѣ подошелъ Янъ Сапѣга, разбилъ казацкіе отряды и тѣмъ ослабилъ осаду,—на время дорога изъ Кремля освободилась.

Но этимъ воспользовались не одни осажденные, нижегородскіе посланцы, тѣ-же Пахомовъ и Мосѣевъ, ждали за стѣной, выжидая момента, чтобы проникнуть къ патріарху. Они воспользовались этимъ и проникли къ Гермогену. Одному изъ нихъ, Родѣ Мосѣеву, патріархъ передалъ свою грамоту нижегородскому міру, которую и доставили эти „безстрашные люди“ въ Нижній 25-го августа 1611 года.

Съ этого времени и нужно начинать подготовку нижегородскаго движенія.

О чемъ же писалъ патріархъ, о чемъ говорилъ съ нижегородскими посланцами?

Содержаніе этой грамоты очень просто—пишите къ митрополиту въ Казань, въ Вологду къ властямъ, къ рязанскому владыкѣ, во всѣ города, чтобы писали къ боярамъ и атаманамъ, чтобъ они стояли крѣпко въ вѣрѣ, чтобъ отнюдь на царство проклятаго маринкина сына не сажали; проклять онъ отъ св. собора и отъ насъ, добавлялъ патріархъ въ своемъ посланіи.

Вотъ какую грамоту прислалъ въ Нижній патріархъ.

Эту грамоту прочли, конечно, всѣ власти и между ними Козьма Мининъ, простой земскій староста, который подъ этимъ скромнымъ званіемъ таилъ и великую душу и громаднѣйшій умъ.

Мы мало знаемъ о Мининѣ.

Это былъ торговецъ мясомъ, довольно богатый для того времени, уважаемый въ городѣ, иначе его не выбрали бы на отвѣтственную должность земскаго старосты.

Что подвинуло его на этотъ подвигъ?

Позднѣе въ своихъ бесѣдахъ съ троицкимъ архимандритомъ Діонисіемъ Мининъ рассказывалъ, что ему было видѣніе св. Сергія, который требовалъ отъ него выступленія на проповѣдь великаго дѣла. Если Мининъ былъ такъ настроенъ, понятно, какъ должна была подѣйствовать на него грамота Гермогена.

Онъ рѣшился, и началъ прежде всего въ своей средѣ, среди посадскихъ говорить о томъ, что пора „промыслъ чинить“ противъ враговъ. По почину Минина и посадской общины Нижняго былъ написанъ, должно быть, въ земской избѣ первый „приговоръ всего города за руками“ объ особомъ сборѣ „на строеніе ратныхъ людей“.

Значить, это дѣло было уже хорошо обдуманно и прочно слажено, когда Мининъ рѣшилъ открыть его и властямъ. Какъ разъ къ этому времени (дѣло было въ октябрѣ) пришла въ Нижній одна изъ троицкихъ грамотъ. По этому поводу на воеводскомъ дворѣ собрался совѣтъ властей— „Ѳеодосій, архимандритъ печерскаго монастыря, Савва спасскій протопопъ, съ братією, да иные попы, да Биркинъ, да Юдинъ, и дворяне и дѣти боярскіе, и головы, и старосты, отъ нихъ же и Козьма Мининъ“.

Здѣсь Мининъ передалъ, что имъ сдѣлано, какъ посадскій міръ Нижняго готовъ уже къ движенію противъ врага. Совѣтъ одобрилъ всѣ начинанія Минина, но нужно было его узко-посадскія начинанія сдѣлать мірскими, общегородскими, нужно было, чтобы за это взялся такой человѣкъ, кто пользовался бы уваженіемъ всего города, не только посада, но и высшихъ слоевъ города.

Такимъ человѣкомъ былъ протопопъ Савва.

И вотъ когда на слѣдующій день по звону колокола всѣ нижегородцы стали сходиться въ Спасо-Преображенскій соборъ, предъ ними выступилъ протопопъ Савва. Онъ прочелъ грамоту троицкихъ властей, а потомъ произнесъ рѣчь. Послѣ него говорилъ Мининъ, онъ указывалъ, какъ нужно устроить и снарядить ополченіе.

Такъ поднялось знаменитое нижегородское ополченіе.

Но передъ его устроителями и прежде всего передъ выбраннымъ въ окладчики Мининымъ стояла нелегкая задача—какъ устроить, какъ обезпечить будущее ополченіе.

Нижегородцы особыми приговорами постановили жертвовать „по пожиткамъ и по промысламъ“ иногда очень много, пятую и даже третью деньгу ($\frac{1}{3}$, $\frac{1}{3}$ дохода), иногда жертвованія эти дѣлались натурой. Но этого не хватало—устраивали займы у частныхъ лицъ.

Какъ окладчикъ, Мининъ, по обычаю того времени, строго, порой, можетъ быть, сурово велъ свое дѣло; позднѣе Мининъ ушелъ въ походъ, а хозяйство въ городѣ было поручено другимъ лицамъ. Но разъ правильно поставленное, переданное въ вѣрныя руки, дѣло снабженія ополченія всѣмъ нужнымъ такъ и велось въ теченіе всего похода.

Но кромѣ денежнаго дѣла, нужно было подумать и о ратномъ выбрать главнаго воеводу, полководца, собирать ратниковъ.

Хотя у нижегородцевъ были свои воеводы — кн. Звенигородскій и тотъ Андрей Алябьевъ, который въ 1608 и 1609 г. такъ удачно билъ тушинцевъ, но они не довѣрили имъ этой власти. Они искали не только знаменитаго воеводу, но и твердаго стояльца за русскую землю.

Самымъ прославленнымъ, самымъ счастливымъ воеводой въ то время считался кн. Куракинъ, но онъ былъ за московскихъ бояръ, за польское правительство; своей правдою, твердымъ стояніемъ за родную землю прославилъ себя кн. Вас. Вас. Голицынъ, но онъ былъ далеко, подъ Смоленскомъ, во главѣ великаго посольства къ королю Сигизмунду, гдѣ и выказывалъ свое служеніе родинѣ.

Въ это время Мининъ показалъ нижегородцамъ на достойнаго замѣстителя и Куракина и Голицына—искуснаго полководца и стойкаго гражданина кн. Дмитрія Михайловича Пожарскаго.

Родъ Пожарскихъ—старинный, вѣтвь князей Стародубскихъ, но къ XVI вѣку, при Грозномъ, значеніе Пожарскихъ падаетъ. Они не пошли въ опричнину.

Дм. Мих. Пожарскій сталъ служить при Ѳедорѣ уже въ рядахъ средняго московскаго дворянства, но въ душѣ онъ остался „княжичемъ“ стараго закала, по обычаю того времени, онъ зорко оберегалъ честь своего рода, чѣмъ можетъ быть и невзлюбился царю Борису.

Позднѣе онъ вѣрно служилъ царю Василию, отбивалъ казаковъ и бѣглыхъ холоповъ отъ Москвы, отсиживался съ царемъ въ Москвѣ отъ тушинцевъ; когда царя Василя свели съ престола, князь Пожарскій, какъ всѣ лучшіе люди его времени, сталъ считать за главу государства патріарха Гермогена, и одинъ изъ первыхъ бросился подъ Москву на зовъ патріарха. Ему удалось прорваться въ Москву, окопаться у Срѣтенки и долго сдерживать здѣсь поляковъ. Но многочисленныя раны заставили его отступить. Его увезли сначала въ Троице-Сергіевъ монастырь, который былъ при архимандритѣ Діонисіи какъ бы госпиталемъ, громадной больницей, а уже позднѣе къ нему въ вотчину, сельцо Мугрѣево.

Здѣсь и отдыхалъ, оправляясь отъ ранъ, Пожарскій, когда къ нему пришло посольство изъ Нижняго.

Въ концѣ октября Пожарскій былъ уже въ Нижнемъ.

А между тѣмъ къ этому времени въ Нижнемъ уже были войска, это были служилые люди литовскаго рубежа, смольняне, вязмичи, дорогобужцы; нападеніе Сигизмунда лишило ихъ земель и послѣ долгихъ скитаній они оказались не подалеку отъ Нижняго. Они и были первыми ратниками новаго ополченія, ихъ пожа-

ловали денежнымъ жалованьемъ, по тому времени очень большимъ—отъ 30 до 50 руб. въ годъ.

Съ прїѣздомъ Пожарскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ устраивается особое отъ городского правительствѣ, во главѣ котораго и ставится самъ Пожарскій.

Начало зимы уходитъ на сношенія съ поволжскими городами Низа, изъ которыхъ, конечно, самымъ главнымъ была Казань.

Уладить дѣла съ Казанью было необходимо. Дѣло въ томъ, что въ Казани не было воеводы, городомъ правилъ дьякъ Шульгинъ; а воевода Морозовъ съ ополченіемъ былъ подъ Москвою; ему удалось какъ то ужиться съ казаками, и трудно было рѣшить, врагъ ли онъ или союзникъ для молодого нижегородскаго ополченія. Вѣдь если онъ, воевода Морозовъ, а за нимъ вся Казань, за казаковъ, значитъ въ тылу у Нижняго остается врагъ, и весьма опасный. Вотъ почему въ Казань посылается цѣлое посольство, съ Саввой для совѣта и Биркинымъ для управленія.

Уже въ февралѣ, обезпечивъ себѣ помощь Казани, Пожарскій обращается къ сѣвернымъ городамъ, прежде всего къ главнымъ—Вологдѣ и Ярославлю, съ торжественной грамотой.

Изъ этой-то грамоты и видно, что ополченіе Минина и Пожарскаго оставило въ сторонѣ совѣты троицкихъ властей; оно шло по зову патріарха Гермогена, чтобы не только поляковъ изъ Москвы выбить, но и ворамамъ не дать дѣлать никакого зла. Пожарскій призывалъ этой грамотой и другими, которыя онъ разсылалъ въ другіе города, къ себѣ быть за одно съ нижегородцами.

Этотъ призывъ имѣлъ необыкновенный успѣхъ. Всѣ видѣли въ ополченіи Пожарскаго охрану порядка—и спѣшили помочь его дѣлу. У Пожарскаго скопилось не мало войска, Онъ собирался пойти на Москву. Но обстоятельства заставили его повернуть круче на сѣверъ и итти въ Ярославль.

XIII.

Пожарскаго извѣстили, что Заруцкій съ казаками задумали захватить Ярославль и такимъ путемъ прервать сношенія Пожарскаго съ Поморьемъ.

Узнавъ объ этомъ, Пожарскій двинулъ туда передовой отрядъ своей рати. Лопата-Пожарскій, начальникъ этого отряда, успѣлъ раньше казаковъ занять Ярославль.

Вскорѣ вышло изъ Нижняго все ополченіе.

Всюду встрѣчали его съ честью, давали подмогу и ратниками и казной.

Пожарскій еще не началъ военныхъ дѣйствій противъ казаковъ, а тѣ ужъ всполошились, выслали къ нему гонцовъ. Пожарскій не хотѣлъ круто порывать съ ними, принялъ гонцовъ ихъ съ

честью, но, не сказавъ имъ ничего опредѣленнаго, отпустилъ ихъ назадъ.

Только въ Костромѣ воевода Иванъ Шереметевъ пробовалъ было задержать Пожарскаго, но сами костромичи выдали его нижегородцамъ.

Въ началѣ апрѣля Пожарскій съ ополченіемъ вступилъ въ Ярославль.

Съ апрѣля до августа простоялъ Пожарскій въ Ярославлѣ.

Не даромъ стояло здѣсь нижегородское ополченіе. Здѣсь Пожарскій и близкіе къ нему люди рѣшили созвать земскій соборъ, который управлялъ бы всей страной.

Еще при Грозномъ, когда онъ воевалъ съ ливонцами и поляками, потомъ при избраніи Бориса на царство,—созывались земскіе соборы для рѣшенія самыхъ важныхъ дѣлъ.

Въ земскій соборъ входилъ прежде всего весь освященный соборъ, все высшее духовенство, затѣмъ все царское правительство, чины думные и чины московскіе, т. е. тѣ государевы слуги, которые или сидѣли у него въ думѣ, гдѣ царь совѣщался съ ними, или служили при подмосковномъ помѣстьи и всегда при особѣ государевой; изъ этихъ же московскихъ дворянъ назначали и областныхъ начальниковъ, воеводъ. Въ соборъ входили также гости—самые богатые изъ купцовъ, ихъ московское правительство призывало въ Москву. Но кромѣ этого въ соборѣ засѣдали и выборные отъ городовъ и уѣздовъ, отъ дворянъ и посадскихъ.

Раньше при Грозномъ, при Борисѣ—это не были депутаты, выборные только для засѣданія на соборѣ, это были выборныя власти уѣзда и города, которыя, конечно, сильно зависѣли отъ правительства. Такъ было при царяхъ; въ этихъ случаяхъ земскій соборъ собирался и распускался царемъ, собирался, чтобы рѣшить какое-нибудь дѣло, на которое указывалъ ему царь.

Теперь не то. Царя нѣтъ. И Пожарскій съ его военнымъ совѣтомъ берутся созывать сами соборъ. 7-го апрѣля они, въ количествѣ до 50 человекъ, рассылаютъ грамоты по городамъ, гдѣ не только продолжаютъ призывать къ общему ополченію, не только указываютъ на козни казаковъ и Заруцкаго, „старыхъ заводчиковъ всякому злу“, но говорятъ и о земскомъ соборѣ.

„И по всемірному вашему совѣту, писали они, пожаловати бы вамъ прислати къ намъ въ Ярославль изо всякихъ чиновъ людей человека по два и съ ними совѣтъ свой отписати за своими руками. А прислати бы, господа, вамъ для земскаго совѣту къ намъ вскорѣ“.

Совѣтъ дѣйствительно образовался и заступилъ мѣсто временнаго правительства.

Во главѣ освященнаго собора всталъ митрополитъ ростовскій и ярославскій Кириллъ; была и боярская дума, конечно, не такая

какъ при царѣ Иванѣ или Борисѣ, — въ нее входило два боярина, окольничій, а кромѣ того ратные начальники, и въ первую голову главный воевода—кн. Пожарскій; всѣ они, правда, не имѣли думнаго чина (Пожарскій былъ только стольникъ), но по необходимости тоже входили въ эту думу.

Въ соборѣ участвовали и выборные отъ городовъ и уѣздовъ, дворяне и посадскіе, причемъ это были настоящіе депутаты, выбранные именно для этого собора.

И соборное правительство начинаетъ пока борьбу на двѣ стороны—на совѣтѣ оно ведетъ переговоры съ Новгородомъ, который присоединился было къ Швеціи, какъ самостоятельная область. Ярославское правительство тянуло время, не желая вступить со шведами въ открытую вражду.

Не такъ поступало оно съ казаками. Оно твердо и ясно постановило:—прежде чѣмъ итти освобождать Москву отъ поляковъ, нужно очистить Россію отъ смуты, отъ казаковъ. И, посылая ратные отряды, Пожарскій отбираетъ отъ нихъ и Суздаль, и Пошехонье, и Антоновъ монастырь, и Переяславль Залѣскій, разбиваетъ ихъ подъ Угличемъ, но въ то же время онъ охотно принимаетъ казаковъ къ себѣ на службу, жалуетъ ихъ денежнымъ жалованьемъ. Онъ только подчиняетъ ихъ порядку, не даетъ грабить.

Третій врагъ, поляки, былъ пока не опасенъ для ярославскаго ополченія.

Въ Ярославлѣ собирались даже выбрать и царя, но въ это время изъ казачьихъ таборовъ пришло извѣстіе, что на помощь осажденнымъ полякамъ идетъ гетманъ Ходкевичъ, и Пожарскому пришлось спѣшно итти къ Москвѣ.

Подойдя къ Москвѣ, онъ сталъ особо станомъ у Арбатскихъ воротъ, отказавъ кн. Трубецкому стать съ нимъ за одно въ таборахъ. Заруцкій, не дождавшись прихода Пожарскаго, бѣжалъ на югъ.

XIV.

Только что успѣло укрѣпиться станомъ нижегородское ополченіе, какъ сталъ подступать къ Москвѣ Ходкевичъ. Объ этомъ знали и поляки, сидѣвшіе въ Москвѣ, они также готовились къ вылазкѣ. 21-го августа начался ожесточенный бой, онъ длился съ перерывами нѣсколько дней. Здѣсь еще разъ понялъ Пожарскій, что на казаковъ надѣяться плохо: то помогали они, то опять отступали. Говорятъ, что рѣшилъ побѣду Мининъ; онъ выпросилъ у князя Пожарскаго нѣсколько сотенъ отборнаго войска и неожиданно ударилъ съ ними на врага. Врагъ дрогнулъ, побѣжалъ; много здѣсь было убито поляковъ. Къ утру Ходкевичъ отступилъ.

Но поляки въ Кремль не сдались: у нихъ былъ страшный голодъ, доходило до людоѣдства, но они все-таки держались, а кричалъ и упрашивалъ ихъ держаться въ осадѣ ихъ начальникъ храбрый Николай Струсь.

Только черезъ два мѣсяца послѣ отступленія Ходкевича удалось взять Китай-городъ, а Кремль все еще не сдавался. Наконецъ сдались и кремлевскіе поляки. 27-го ноября 1612 года оба ополченія вступили въ Москву.

Дѣло очищенія было закончено.

Правда самъ Сигизмундъ пробовалъ было итти на Москву, но, не взявъ и Волоколамска, ушелъ къ себѣ въ Польшу; замутилъ было опять Заруцкій съ казаками, но его разбилъ Михайло Бутурлинъ; Заруцкій бѣжалъ.

На Москвѣ хотъ на время стало спокойно.

И вотъ ратный созѣтъ, Пожарскій, Трубецкой и весь земскій соборъ, который перешелъ за Пожарскимъ изъ Ярославля сначала въ станъ подъ Москвой, а потомъ и въ самую Москву—рѣшили „обратъ“, т. е. выбрать государя.

Для этого они начали созывать новый соборъ, изъ cadaго города по 10 человекъ. Уже къ январю 1613 года этотъ соборъ начинаетъ дѣйствовать.—Онъ былъ очень многолюденъ, здѣсь были представлены города всѣхъ областей, здѣсь были и дворяне, и посадскіе люди, и даже „уѣздные“ люди, т. е. государственные крестьяне. Были здѣсь и представители казаковъ.

Послѣ объявленія трехдневнаго поста, соборъ приступилъ къ главному вопросу, кого избрать государемъ. Сначала порѣшили избрать царемъ русскаго, а иностранцевъ всѣхъ, королевичей, а также и Воренка, сына Марины,—отстранить.

И только 7 февраля остановились на молодомъ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ Романовѣ, однако объявленъ онъ былъ царемъ только 21-го февраля.

Новый царь, бывшій въ это время съ матерью и со многими своими родственниками въ костромскомъ Ипатьевскомъ монастырѣ, не скоро пріѣхалъ въ Москву.

За него дѣла вѣдалъ соборъ, онъ сноился съ нимъ, а иногда и просто съ боярами письменно. Къ царю ѣздили „посмотрѣть царскіе очи и поклониться ему“,—ѣздили туда и выборные нижегородцы. А отъ Нижняго на соборъ 1613 года пріѣхало цѣлыхъ 19 человекъ и во главѣ ихъ протопопъ Савва.

Наконецъ, уже 2-го мая царь вѣхалъ въ Москву.

Этимъ закончилась смута.

Конечно еще много было непорядка, много враговъ еще рыскало по Руси, въ Сѣверчинѣ—Лисовскій, на югѣ, на Дону и Волгѣ, Заруцкій, грозилъ Москвѣ и Сигизмундъ, Владиславъ все еще называлъ себя царемъ московскимъ, грозили и шведы—но по

немногу молодому царю, который работалъ, опираясь на земскій соборъ, удалось успокоить изстрадавшуюся Россію.

Какъ же наградила царь избавителей Россіи, трехъ нижегородцевъ: посадскаго человѣка Минина, князя древняго рода Пожарскаго и государева богомольца Савву?

Минина царь пожаловалъ думнымъ дворянствомъ, держалъ въ чести около себя, давалъ ему важныя порученія—но Мининъ не долго прожилъ, въ 1616 году онъ умеръ.

Когда умеръ протопопъ Савва, мы не знаемъ, въ 1624 году онъ еще былъ живъ. Государь пожаловалъ его „государевымъ дворовымъ мѣстомъ“ около Спасскаго собора въ Нижнемъ.

Замѣтнѣе была дѣятельность Пожарскаго. Его царь наградила думнымъ боярствомъ, но не выдвинулъ въ число первыхъ своихъ бояръ. Доблестный воевода оказался не искуснымъ, неискательнымъ царедворцемъ. Мы видимъ, имъ пользуются, когда чувствовалась опасность:—онъ гоняется за Лисовскимъ, отбиваетъ Владислава отъ Калуги, назначается воеводою на опасныя мѣста.

Прямые потомки героевъ смуты не долго выжили на Руси, въ настоящее время нѣтъ ни потомковъ Минина, ни потомковъ Саввы, ни потомковъ Пожарскаго.

Такъ кончилась смута, тянувшаяся около 15 лѣтъ.

Началась она съ прекращеніемъ царской вѣтви Ивана Калиты, а кончилось воцареніемъ дома Романовыхъ.

Списокъ туманныхъ картинъ.

1. Бояре.
2. Конный служилый.
3. Пѣшій служилый.
4. Смотръ служилымъ людямъ.
5. Крестьяне.
6. Судъ у воеводы.
7. Приказы.
8. Борисъ Годуновъ.
9. Свозъ крестьянина.
10. Помѣщичья усадьба.
11. Запустѣвшая деревня.
12. Земскій соборъ.
13. Лжедимитрій I.
14. Марина Мнишекъ.
15. Василій IV Шуйскій.
16. Тушинскій лагерь.
17. Защита Троицкой Лавры.
18. Патріархъ Гермогенъ.
19. Посадъ Н.-Новгорода въ XVI-XVII ст.
20. Рѣчь Минина.
21. Выходъ войска изъ Н.-Новгорода.
22. Бой съ Ходкевичемъ.
23. Московскій Кремль XVI-XVII в.
24. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ.
25. Гробница Минина.

Цѣна черной картины 40 коп. цвѣтной 80 к.

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Первые князья на Руси. М.
1902 г. Цѣна 5 коп.

Первые князья—просвѣтите-
ли русской земли—Владимиръ
Святой и Ярославъ Мудрый М.
1903 г. Цѣна 7 коп.

изд. Д. Тимковскаго ред. А. И.
Кирпичникова, А. А. Кизеветтера
и М. В. Довнаръ-Запольскаго.

Къ настоящей брошюрѣ приготовлены тѣневые картины
для фонаря

Фотографія И. Иванова,

Н.-Новгородъ, Бол. Покровка.

Цѣна 5 коп. (съ пересылкой 6 коп.)

При заказѣ свыше 100 экз. пересылка на счетъ издателя

Книгопродавцамъ скидка 20%

Съ заказами обращаться въ складъ изданія: Нижній-Новгородъ,
Варварка, Типографія А. А. Афанасьева.